

5.11.2. Историческая теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-4-143-164

К. С. Васильцов

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого («Кунсткамера») РАН,

г. Санкт-Петербург;

Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет,

г. Санкт-Петербург

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСТРАНСТВО БАДАХШАНА: ИСМАИЛИЗМ И СУФИЗМ

ВАСИЛЬЦОВ Константин Сергеевич —

канд. ист. наук, науч. сотр., преподаватель.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого («Кунсткамера») РАН

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3);

Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11).

E-mail: vasiltsovk@mail.ru

Аннотация. В настоящее время культура и культурная идентичность памирских народов в значительной степени определяются преимущественным распространением и преобладанием в этом регионе исмаилизма, наиболее крупного течения в рамках шиитского ислама. Локальные фольклорные нарративы ключевую роль в распространении исмаилитского мазхаба связывают с именем поэта, философа и проповедника (*да'и*) Насир-и Хусрава (XI в.). Тем не менее доступные теперь письменные источники не дают достаточных оснований для того, чтобы с уверенностью судить о характере деятельности Насир-и Хусрава и последующей истории исмаилитского *да'ва* на Памире. В рамках настоящей статьи рассматривается круг вопросов, связанных с морфологией религиозного пространства Бадахшана, формами и способами взаимодействия исмаилитов с суфийскими тарикатами, влиянием суфийских доктрин на интеллектуальную историю и локальные исмаилитские религиозные практики.

Ключевые слова: Бадахшан, Насир-и Хусрав, исмаилизм, суфизм, йасавиййа, кубравиййа, религиозная идентичность, исмаилитская литература.

Для цитирования: *Васильцов К. С.* Религиозное пространство Бадахшана: исмаилизм и суфизм // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 4: 143–164;

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-4-143-164

Статья поступила в редакцию: 07.07.2023

Статья принята к публикации: 04.09.2023

Введение

В общем ряду научных публикаций, посвященных исмаилизму, особняком стоят работы, в которых специально рассматривается бадахшанская община исмаилитов. С момента разделения Бадахшана между Российской и Британской империями таджикская его часть естественным образом оказалась в сфере внимания российских, позднее — советских ученых. Уже на раннем этапе изучения бадахшанских исмаилитов, помимо классических этнографических дескриптивных штудий, появляются также и статьи исламоведческого характера, в частности А. А. Семенова, которого, наряду с Вл. Ивановым, можно считать одним из «первопроходцев» в области изучения религиозно-философских доктрин бадахшанских исмаилитов¹. Впрочем, этот «исламоведческий период» в истории исследований исмаилизма в его памирском изводе оказался сравнительно недолгим. После публикации А. А. Семеновым в 1929 г. статьи «Исмаилитский панегирик обо-жествленному Алию Федаи Хоросанскому» исследование философской стороны учения исмаилитов прерывается на несколько десятилетий и возобновляется лишь в конце 50-х гг. В советской науке основное внимание, если не считать известных работ А. А. Семенова, Е. Э. Бертельса, А. Е. Бертельса, К. Эльчибекова, А. Шохуморова, уделялось лингвистическим исследованиям памирских языков, классическому этнографическому изучению разнообразных ритуальных и обрядовых практик, отчасти — религиозному фольклору².

¹ См.: *Семенов А. А.* Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. Т. 1. № 4. СПб., 1912. С. 523–561; *Он же.* Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым // ЗВОРАО. Пг., 1919; *Он же.* К догматике памирского исмаилизма (XI глава «Лицо Веры» Насыр-и Хосрова) Ташкент, 1926; *Он же.* Взгляд на Коран в восточном исмаилизме // Иран: сб. статей. Т. 1. Л., 1927. С. 59–72; *Он же.* Исмаилитская ода, посвященная воплощениям Алиа-бога // Иран: сб. статей. Т. 2. Л., 1928. С. 1–24; *Он же.* Исмаилитский панегирик обо-жествленному Алию Федаи Хоросанскому // Иран: сб. статей. Т. 3. Л., 1929. С. 51–70.

² По этому поводу см., например, *Русские учёные об исмаилизме* / под ред. С. М. Прозорова, Х. Элназарова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2014.

В последние десятилетия ситуация, впрочем, изменилась, хотя памирские исмаилитские штудии все же продолжают занимать несколько периферийное положение в общем проблемном поле исследований исмаилизма¹.

В настоящей публикации предпринята попытка представить в историческом контексте морфологию религиозного пространства Бадахшана, при этом понятие «пространство» трактуется в качестве дискурсивной конструкции, возникающей из сложного переплетения географии, власти и знания, которые отражают социальные, религиозные и политические иерархии. В таком смысле «пространство» не только определяет географические или реальные границы, но одновременно содержит в себе и определенные не-пространственные культурные/религиозные символы и ценности (мифологические предки, герои, сакральные войны или события, мусульманские «святые», места поклонения)².

¹ Каландаров Т. С. Исмаилиты Памира. М., СПб.: Нестор-История, 2022. Iliiev A. The Ismaili-Sufi Sage of Pamir: Mubarak-i Wakhani and the Esoteric Tradition of the Pamiri Muslims. Amherst, New York: Cambria Press, 2008. Nourmamadchoev N. Ismaili-Sufi and Ismaili-Twelve Relations in Badakhshan in the Post-Alamut Period: The *Chiragh-nama* // Intellectual Interactions in the Islamic World: The Ismaili Thread (Shi'i Heritage Series). London: I. B. Tauris, 2020. Pp. 355–380. Iliiev A. The Concept of Wilaya in Mubarak-i Wakhani's *Chihil Dunya*: A Traditional Ismaili-Sufi Perspective on the Origins of Divine Guidance // Intellectual Interactions in the Islamic World: The Ismaili Thread (Shi'i Heritage Series). London: I. B. Tauris, 2020. Pp. 381–406. Gross J.-A. Foundational Legends, Shrines, and Isma'ili Identity in Tajik Badakhshan // Muslims and Others in Sacred Space. Ed. by Margaret Jean Cormack. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 164–192. Gross J.-A. The Motif of the Cave and the Funerary Narratives of Nāṣir-i Khusraw // Orality and Textuality in the Iranian World. Ed. by Julia Rubanovich and Shaul Shaked. Leiden: Brill, 2015. Pp. 130–168. Beben D. Islamisation on the Iranian Periphery: Nasir-i Khusraw and Ismailism in Badakhshan // Islamisation: Comparative Perspectives from History. Ed. Andrew Peacock. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. Pp. 317–335. Idem. The Kalām-i pir and Its Place in the Central Asian Isma'ili Tradition // Journal of Islamic Studies. 2018. No. 3. Pp. 70–102. Idem. Religious Identity in the Pamirs: The Institutionalization of the Ismā'ili Da'wa in Shughnān // Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia: The Mountain Communities of Pamir, ed. Dagikhudo Dagiev and Carole Faucher. London: Routledge, 2018. Pp. 123–142.

² В XIX — начале XX в. понятие «пространство» практически не играло сколько-нибудь самостоятельной роли в гуманитарных науках, приоритет *par excellence* отдавался принципу историзма с его акцентом на временные (темпоральные) отношения. В этом смысле классическое востоковедение изучало незападные общества с точки зрения иерархических структур — по сути дела, географическая удаленность от Европы виделась не как *за пределами Европы*, а как *до Европы* в культурном, политическом, технологическом и прочих смыслах. Иной взгляд на пространство, проблематизация его как специального объекта исследования происходит в 60–70 гг. XX в. в рамках европейской научной школы, прежде всего благодаря идеям М. Фуко, А. Лефевра, Э. Саида, Э. Соджа и др. См., например: Foucault M. Of Other Spaces // *Diacritics*. Vol. 16. No. 1 (Spring 1986). Pp. 22–27(22). Эта работа впервые на языке оригинала была опубликована в 1984 г. французским журналом *Architecture-Mouvement-Continuité* под заглавием «Des Espaces Autres». Существует также русский перевод, выполненный, правда, с некоторыми неточностями. См.: Фуко М. Другие пространства. Гетеротопии / пер. с фр. А. Муратова; ред. С. Ситар // Проект International. 2007. № 19. С. 170–179. См. также: Foucault M. Of Other Spaces // *The Visual Culture Reader*. Ed. Nicholas Mirzoeff. L. Routledge, 1998. Pp. 229–237. Трубина Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 40. (34–49). См. также перевод на русский язык: Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 423 с.

The Long and Winding road: к истории исламизации Бадахшана

Процесс проникновения, утверждения и *нативизации* ислама в Бадахшане (речь в данном случае идет об изначальном *со-бытии* и последовавшем затем переосмыслении различных по своему типу и характеру мифологических и теологических парадигм) естественным образом отразился на конкретных формах, фактическом содержании, логике и практике локальных религиозных движений в регионе.

Основные сложности, которые обыкновенно возникают при изучении истории ислама в Бадахшане, связаны преимущественно с довольно узкой и малонадежной базой нарративных источников — материалы не-исмаилитских исторических хроник отличаются скудным и поверхностным изложением фактов и в целом отсутствием сколько-нибудь значительного интереса к этому труднодоступному региону.

Арабская географическая литература датирует подчинение территорий по верхнему течению Пянджа мусульманским правителям концом II/VIII в., хотя их влияние на внутреннюю ситуацию и в политическом, и в религиозном смысле продолжало оставаться номинальным вплоть до V/XI в., а возможно, и позднее. Локальная историографическая традиция, особенно в той ее части, где речь идет о раннем периоде исмаилитского *да'ва*, крайне непоследовательна, изобилует явными анахронизмами и, кроме того, представлена очень небольшим количеством сочинений, составленных, ко всему прочему, довольно поздно с исторической точки зрения (XII/XVIII — начало XIV/XX вв.), что, разумеется, вызывает несколько скептическое к ней отношение среди исследователей. Возможные и отчасти предпринимаемые попытки реконструкции содержания религиозной истории Бадахшана через этнографическую мифологию лишь до некоторой степени и с серьезными оговорками позволяют заполнить существующие пробелы, поскольку фольклорные нарративы в значительной своей части фиксируют и воспроизводят не столько то, что было на самом деле, *in actu*, сколько то, как люди воспринимают или что думают о событиях прошлого. В этом смысле устные предания (*хикайат*), в некоторых случаях записанные и хранящиеся в рукописном виде в частных собраниях, генеалогии (*насаб-нама*), образцы народной поэзии (*мадх*), которые вызывают утверждение исмаилитского *мазхаба* в Бадахшане с членами *ахл ал-байт* (Мухаммад, Али, Фатима, Хасан, Хусайн) и (шиитскими) исмаилитскими имамами (Джа'фар ас-Садик, Мумаммад Бакир, Зайн ал-Абидин), хотя, разумеется, не имеют реальных исторических

оснований, тем не менее составляли прежде, и, вероятно, продолжают составлять и теперь, известную часть культурной памяти бадахшанцев, в значительной мере определяя, конструируя и сохраняя религиозную идентичность памирцев, включая бадахшанскую общину исмаилитов в «осевое время» (здесь не в смысле *Achsenzeit* К. Ясперса) и воображаемую географию ислама.

Да'ват-и кадим: фатимидские да'и в Центральной Азии

Начало активной прозелитической деятельности исмаилитского государства Фатимидов в Центральной Азии приходится, вероятно, на конец III/IX — начало IV/X в. Ф. Дафтари связывает официальную организацию фатимидского да'ва с именем Абу Абд Аллаха ал-Хадима (ум. ок. 307/919), утвердившегося в Нишапуре, который на некоторое время превратился в один из влиятельных центров исмаилитского движения в этой части *дар ал-ислам*¹. Данную точку зрения высказывал когда-то еще С. Штерн в своей классической работе по истории исмаилитского призыва в северо-восточном Иране, Хорасане и Трансоксании². Иной позиции придерживается Й. Байза, который предлагает более раннюю датировку и относит начальный период миссионерской кампании исмаилитов в Хорасане ко времени имамата Мухаммада ибн Исма'ила (ум. 193/809)³.

В IV/X в. в восточных областях Ирана и Мавераннахра одновременно с активной проповедью в исмаилитских кругах возникает также интеллектуальное течение, в рамках которого предпринимались попытки объединить шиитскую (исмаилитскую) теологию (*калам*) и неоплатонизм в его «восточном» изводе, что привело в итоге к появлению иранской школы философского исмаилизма, представленной творчеством Мухаммада б. Ахмада ан-Насафи (ум. 332/943 г.)⁴, Абу

¹ Farhad Daftary. *Ismailis: Their History and Doctrines*. 2nd ed. Cambridge, 2007. P. 112.

² Samuel M. Stern. The Early Ismā'īlī Missionaries in North-West Persia and in Khurāsān and Transoxania // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 1960. Vol. 23. No. 1. P. 77.

³ Yahia Baiza. The Shi'a Ismaili Da'wat in Khurasan: From Its Early Beginning to the Ghaznawid Era // *Journal of Shi'a Islamic Studies*. 2015. Vol. 8. No. 1. P. 38.

⁴ Главное сочинение ан-Насафи *Китаб ал-махсул* («Трактат о смысле и сути»), написанное приблизительно в 300/912 г., вероятно, утрачено, однако выдержки из него сохранились в более поздних исмаилитских трактатах. О нем см.: Ivanow W. *Studies in Early Persian Ismailism*. 2nd ed. Bombay, 1955. P. 87ff. *Idem*. *Ismaili Literature: A Bibliographical Survey*. 2nd ed. Tehran, 1963. Pp. 23–24; Poonawala. *Al-Nasafi* // *EI2*. Vol. 7. P. 968; Crone P., Treadwell L. A New Text on Ismailism at the Samanid Court // Chase F. Robinson / Ed. *Texts, Documents and Artefacts: Islamic Studies in Honor of D. S. Richards*. Leiden, 2003. Pp. 37–67. Farhad Daftary. *Historical Dictionary of the Ismailis*. Lanham, Toronto, Plymouth, 2012. P. 125.

Хати́ма Ахма́да ар-Рази́ (ум. 334/934 г.)¹, Абу́ Я́а'ку́ба ас-Сиджиста́ни (ум. после 358/971)² и др.

Эти процессы хронологически совпали с возвышением династии Саманидов (204–395/819–1005) в Восточном Иране, представители которой формально признавали халифат Аббасидов, но фактически проводили самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику.

Фатимидский *да'ва* возглавил Мухаммад б. Ахмад ан-Насафи. Свою проповедь он адресовывал в основном образованным представителям городских слоев Мавераннахра, например, Самарканда и Бухары. По всей видимости наибольшего влияния он достиг во время правления Насра б. Ахмада Самани (301–332/913–943), который, как утверждают некоторые источники, и сам принял исмаилизм³. *Да'ват-и Насафи* («призыв Насафи»), по всей видимости, нашел живой отклик среди политической и военной элит, а также приобрел известную популярность в интеллектуальных кругах⁴. Однако уже в период правления сына Наср б. Ахмада Самани Абу Мухаммада Нуха (250–279/864–892) внутренняя политическая обстановка изменилась. Различные шиитские течения или прошиитские группировки стали подвергаться преследованиям и в значительной степени утратили свое влияние в Иране и Мавераннахре. После установления власти тюркских династий Газневидов (351–582/962–1186) и Сельджукидов (429–590/1037–1194) активность исмаилитских *да'у* переместилась на территории Ирака и Западного Ирана. Появление в Центральной Азии исмаилитских общин со сложившейся иерархической организацией, системой культовых, социальных и экономических практик, корпусом религиозно-философских и фольклорных нарративов относится к более позднему периоду и, скорее всего, лишь в малой степени имеет отношение к раннему фатимидскому *да'ва*.

¹ Абу Хатим Ахмад ар-Рази был главным *да'у* Рея в период с 300/912–310/923. Наибольшую известность ар-Рази принесла полемика со знаменитым суннитским теологом Абу Бакром ар-Рази (ум. ок. 323/935 г.), материалы которой легли в основу единственного из дошедших до нас трудов Абу Хати́ма Ахма́да ар-Рази́ *А'лам ан-нубувват* («Знамения пророчества»). В этой книге ар-Рази приводит краткое описание учений философских школ Античности, зороастризма, манихейства, иудаизма, христианства и ислама. Две отдельные части посвящены опровержению воззрений Абу Бакра ар-Рази. Об Абу Хатиме см.: *Ivanow W. Ismaili Literature: A Bibliographical Survey*. 2nd ed. Tehran, 1963. Pp. 24–26; *Stern S. Abu Hatim al-Razi* // EI2. Vol. 1. P. 125; *Halm H. Abu Hatim al-Razi* // EI1. Vol. 1. P. 315.

² О нем и его философских доктринах см.: *Ivanow W. An Early Controversy in Ismailism* // *Early Persian Ismailism*. 2nd ed. Bombay, 1955. Pp. 87–122; *Madelung W. Das Imamāt in der frühen ismailitischen Lehre* // *Der Islam*. 1961. No. 37. Pp. 101–114; *Walker Paul E. Early Philosophical Shiism: The Ismaili Neoplatonism of Abū Ya'qūb al-Sijistāni*. Cambridge, 1993; *Idem. Abū Ya'qūb al-Sijistāni: Intellectual Missionary*. L., 1996.

³ См.: *Patricia Crone and Luke Treadwell. A New Text on Ismailism at the Samanid Court*, in *Texts, Documents, and Artefacts: Islamic Studies in Honor of D. S. Richards*, ed. Chase Robinson. Leiden: The Netherlands: Brill, 2003. Pp. 37–67.

⁴ Например, Абу Абд Аллах Рудаки в некоторых своих стихотворных произведениях недвусмысленно указывает на свои симпатии к Фатимидам.

Personalia: Насир-и Хусрав Кубадийани

Впрочем, следующий этап распространения исмаилизма в Мавераннахре и, в частности, в Бадахшане также связан с именем фатимидского миссионера Насир-и Хусрава, которого Му'аййад фи'д-дин аш-Ширази назначил на должность верховного *да'и* Балха¹. Что же касается действительной его роли в утверждении исмаилитского толка в этом регионе (Бадахшане), то здесь возникает целый ряд вопросов, которые довольно трудно разрешить на основании доступных в настоящее время надежных письменных источников. По всей видимости, окончательная канонизация образа Насир-и Хусрава в локальной традиции, которая, кроме признания его поэтического мастерства и авторитета в области религиозных наук и философии, приписывает ему множество добродетелей, выдающихся и сверхъестественных качеств, а также многочисленные чудесные свершения, закрепляя за ним, таким образом, статус «святого», обратившего в исмаилизм население Бадахшана, происходит не ранее XII/XVIII в.

Вплоть до VIII/XIV в. суннитские источники описывают Насир-и Хусрава как «еретика», однако затем в силу тех или иных причин отношение к нему меняется, и некогда глава фатимидского *да'ва* в Хорасане превращается в суфийского *вали*, а авторы *тазкира* и исторических хроник предпочитают не замечать его связей с исмаилитским движением². Косвенным свидетельством такого рода переоценки личности Насир-и Хусрава можно считать практику покровительства его мазару в Йумгане (совр. Афганистан) со стороны суннитских правителей, которое они неизменно осуществляли на протяжении шести столетий (VIII/XIV–XIV/XX вв.)³

Сам Насир-и Хусрав оказался на удивление скуп в том, что касается автобиографических сведений о его жизни в Бадахшане.

Можно предположить, что деятельность Насир-и Хусрава в качестве исмаилитского *да'и* в Бадахшане ограничивалась Йумганом и, возможно, близлежащими районами, а его проповедь была адресована представителям местных элит, что вообще отличало характер фатимидского *да'ва* в Иране и Мавераннахре. Хотя локальная историографическая традиция утверждает и фиксирует терминологическим образом этот период как *да'ват-и насири* («призыв Насира»), довольно сложно оценить содержательную сторону этого движения, степень его влияния, поддержки

¹ Подробнее см.: Васильцов К. С. Из истории Фатимидского призыва в Бадахшане // Таджики. История, культура, общество / под ред. М. Е. Резвана. СПб., 2014. С. 190–210.

² Beben Daniel. Islamization on the Iranian Periphery: Nasir-i Khusraw and Ismailism in Badakhshan // Islamization. Comparative Perspectives from History. Ed. A. C. S. Peacock. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 326.

³ Ibid.

и распространения среди местного населения ввиду недостаточности достоверных данных как о поездках Насир-и Хусрава с миссионерскими целями по различным областям Бадахшана, так и об организации им сети исмаилитских *да'и* на местах¹.

«Период сокрытия/ас-сапр»: исмаилитская община Бадахшана в IV/XI–XIII/XIX вв.

Сведений относительно присутствия исмаилитов на территории Бадахшана с IV/XI до середины IX/XV в. в хрониках того времени практически не приводится, что, впрочем, неудивительно — IX/XV в. вошел в историографию скорее как период распространения исмаилитского *да'ва* в Южной Азии и перемещения активной деятельности исмаилитов в район Анджудана в Иране, получивший название «анджуданское возрождение»². Кроме того, значительным событием в постмонгольскую эпоху стал раскол низаритской общины в начале VIII/XIV в., произошедший после смерти Имама Шамс ад-динф Мухаммада (ок. /1310), в результате чего община разделилась на две фракции (*касим-шахи* и *мухаммад-шахи*)³. Все это в какой-то мере объясняет, почему история исмаилитской общины Бадахшана оказалась

¹ Сведения бадахшанской агиографической традиции, как мы уже не раз говорили, требуют осторожного к себе отношения и проверки по части достоверности содержащегося там фактического материала. Показателен в этом смысле небольшой по объему трактат *Саргузашт-и Насир-и Хусрав* («История Насир-и Хусрава»), представляющий собой изложение «фантастической автобиографии Насир-и Хусрау» (Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959–1963 гг. М.: Наука, 1967. С. 64). Не установлено, является ли *Саргузашт* в полной мере самостоятельным произведением — во всяком случае, А. Е. Бертельс и М. Бакоев вполне допускают вероятность того, что этот текст является частью другого произведения, также приписываемого Насир-и Хусраву, *Рисала дар байан-и надамат-и руз-и кийамат* («Послание в отношении разъяснения покаяния в День воскрешения»). (Там же. С. 65). По поводу этого *Рисала* см. там же. С. 58–59. Подробно бадахшанская агиография Насир-и Хусрава рассматривается в диссертации, насколько нам известно, до сих пор не опубликованной, Д. Бебена (Daniel Beben). См.: *Beben, Daniel*. “The Legendary Biographies of Nāṣir-i Khusraw: Memory and Textualization in Early Modern Persian Ismā‘īlism.” PhD diss... Indiana University, 2015. и более поздней работе Ш. Гуламадова (Shaftolu Gulamadov), посвященной этой же проблематике. См.: *Gulamadov, Shaftolu*. “The Hagiography of Nāṣir-i Khusraw and the Ismā‘īlis of Badakhshān.” PhD diss., University of Toronto, 2018. Очевидный недостаток фактических данных вынужденно восполняется более или менее обоснованными предположениями или же спекуляциями исследователей. Например, по поводу уже упомянутой псевдо-автобиографии Насир-и Хусрава, Д. Бебен высказывается в том смысле, что составителем трактата, по всей видимости, был суннит, основную задачу свою видевший в «очищении» образа Насир-и Хусрава от исмаилитской «ереси». В качестве образцов для этого сочинения использовались, как он полагает, классические произведения суфийской житийной литературы, в результате чего Насир-и Хусрав изображался скорее как суфийский *вали*. *Beben D. The Legendary Biographies*. P. 162. Прямо противоположной позиции придерживается Ш. Гуламадов, который в шестой главе своей работы приводит аргументы в пользу того, что по своему характеру и содержанию *Рисалат ан-надама* как раз имеет мало общего с суннитскими агиографиями, а авторство этого сочинения склонен приписывать проалидски настроенному мусульманину, возможно исмаилиту. См.: *Gulamadov, Shaftolu*. *The Hagiography*. Pp. 200–210.

² По этому поводу см., например: *Daftary F*. *Ismailis: Their History and Doctrines*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 422–441.

³ *Ibid*. Pp. 456–462.

фактически вне поля зрения историков. Самые ранние прямые текстовые свидетельства деятельности исмаилитов в Бадахшане в пост-монгольский период встречаются в тексте начала 15 в. *Хафт нукта* («Семь [тонких] суждений»), в котором приводятся изречения исмаилитского имама, вероятно, Исма‘ил-шаха (1368–1424), и, в частности, упоминаются исмаилиты Бадахшана.

В целом же те немногочисленные сведения письменных источников о бадахшанской общине связаны, как правило, с описанием направленных против местных правителей политических движений, во главе которых стояли исмаилиты¹.

Важным фактором, характеризующим эволюцию исмаилизма в пост-монгольскую эпоху, стало возросшее влияние и независимость, как в политических, так и в религиозных делах, местных агентов исмаилитского *да‘ва*. Речь здесь идет об институте пиров, определявшем религиозные и социально-экономические отношения между рядовыми верующими (*мурид*) и духовными руководителями (*пир*), авторитет которых основывался на исмаилитской доктрине имамата. Поскольку имам «физически» (*джисмани*) был не доступен, исполнение и реализация его волеизъявления (*фарман*) на практике осуществлялись через иерархическую структуру (*хафт худуд-и дин*, «семь пределов религии»), объединявшую всех членов общины. Она состояла из семи рангов/степеней (*хадд*). Первые три из них, за исключением имама, имели скорее символическое значение и в условиях Бадахшана не функционировали, а руководство общиной было делегировано пирам и их заместителям (*халифа*), которые пользовались относительной свободой вплоть времени первого Ага-хана (1817–1881), когда произошло окончательное объединение бадахшанских исмаилитов с остальной частью имамата *касим-шахи*. Институт пиров был упразднен Ага-ханом III (ум. 1957), тем не менее он продолжал существовать в таджикском Бадахшане вплоть до 30-х гг. XX в., а некоторые его элементы *de facto* сохраняются в афганском Бадахшане до настоящего времени.

Если говорить об «этнографическом времени», то в XIX в. вся территория Бадахшана была разделена на несколько владений (*х^ааджаги*), находившихся в ведении конкретного пира. При этом распределение домохозяйств в рамках *х^ааджаги* осуществлялось не по географическому признаку — в отдельной долине или селении могли проживать муриды, которые подчинялись разным пирам.

¹ Существует, в частности, описание подавления тимуридским наместником Султан Вайс Мирзой мятежа в Бадахшане, во главе которого стоял имам линии *мухаммад-шахи* Рази ад-дин Али. Правление династии Тимуридов сохранялось вплоть до конца X/XVI в., когда Бадахшан был отторгнут узбекским правителем Абд Аллах-ханом. В XI/XVII в. в Бадахшане установилась власть Йари-бик-хана, шейха *тариката накшбандийя*, линии *дахбиди*, потомки которого управляли Бадахшаном, по крайней мере номинально, вплоть до XIII/XIX в.

Институт пиров выполнял две основные функции: религиозное руководство и сбор налогов (*мал-и саркар*). Обязанности пира, которого называли еще *му‘аллим-и садик* («истинный наставник»), заключались прежде всего в разъяснении и толковании основополагающих принципов исмаилизма как в отношении религиозно-философской стороны вероучения, так и в отношении ритуальных практик¹.

Трактаты и доктринальные сочинения *пиров* представляют большую часть дошедшей до нас исмаилитской литературы с VIII/XIV по XII/XVIII вв. Кроме классических трудов по догматике исмаилизма, к сочинениям религиозного характера относятся также назидательные или дидактические трактаты, известные в классической персидской литературе².

В бадахшанской литературной традиции значительное место занимает корпус суфийских сочинений персидских авторов, среди которых особой популярностью, во всяком случае, если судить по количеству списков рукописей, пользовались трактаты ‘Азиз ад-дина Насафи (ум. /) *Зубдат ал-хака’ик* («Сливки истин») и *Каиф ал-хака’ик* («Раскрытие истин»). Сюда же можно отнести также и зафиксированные в XIX–XX вв. фольклорные нарративы — *Кисса-йи чихилтанан* («История о чилтанах»), *Джанг-нама-йи Амир-и Систан* («Книга битв правителя Систана»), *Дастан-и духтар-и шайх-и Мансур-и Халладж* («Рассказ о дочери шайха Мансура Халладжа»), а также легендарные биографии Насир-и Хусрава *Рисала дар байан-и руз-и кийамат* («Послание относительно разъяснения Дня восстания»), *Саргузашт-и Насир-и Хусрав* («Житие Насир-и Хусрава») и Хасана ас-Сабаха *Кисса-йи саргузашт-и хазрат-и Баба Саййид-на* («История относительно жития Баба Саййид-на»), известная также под названиями *Китаб-и хазрат-и Баба Саййид-на* («Книга о Баба Саййид-на»), или *Китаб-и ахвалат-и хазрат-и Баба Саййид-на* («Книга относительно жизненных судеб Баба Саййид-на»).

Чараг-нама: светильник «дервишеского духа»

В этом отношении интересно сочинение под названием *Чараг-нама* («Трактат о светильнике»), имевшее широкое хождение в Бадахшане. Его текст впервые был опубликован Вл. Ивановым в 1959 г. в журнале *Revue Iranienne d’Anthropologie*, хотя в науке эта небольшая по

¹ В повседневной жизни непосредственное руководство рядовыми членами общины осуществлял *халифа*, который возглавлял религиозные церемонии, высказывал свое суждение по тем или иным вопросам, связанным с повседневной жизнью исмаилита.

² Например, *Зафар-нама* («Книга победы») Шараф ад-дина ‘Али Йазди, *Панд-нама* («Книга наставлений») Фарид ад-дина ‘Аттара, *Сад насихат* («Сто наставлений»), приписываемый Лукману, и др.

своему объему работа была известна еще в начале XX в.¹ В предисловии к персидскому тексту Вл. Иванов, вслед за А. А. Семеновым, высказывает идею об особых отношениях между суфизмом и исмаилизмом в Бадахшане, превратившуюся позднее в топику всяких вообще рассуждений о своеобразии памирской исмаилитской традиции. По словам Вл. Иванова, *Чараг-нама* представляет собой типично «дарвишеское» по своему характеру произведение, в том самом широком смысле, в котором термин *дарвиш* употребляется и истолковывается в мусульманском мире².

Чараг-нама можно отнести к жанру литургических текстов, эклектичного по своему характеру, в который кроме коранических аятов входят религиозные топосы, общие как для исмаилитской, так и для шиитской (*исна‘ашарийа*) традиции, а также суфийские мотивы.

Рецитация *Чараг-нама* совершается обыкновенно в двух случаях — это *маджлис-и да‘ват-и фана’* и *маджлис-и да‘ват-и бака’*. Употребление пары *да‘ват-и фана’/ да‘ват-и бака’* может служить указанием на суфийскую традицию, на чем, в частности, настаивает Н. Нурмамадшоев (N. Nourmamadchoev)³. Ссылаясь на статью Э. Вилкокса (Andrew Wilcox), он интерпретирует *фана’* с точки зрения понятийного словаря суфизма как «смерть в Боге» (*die in God*)⁴. Таким образом, сочетание *да‘ват-и фана’* автор предлагает истолковывать в исмаилитско-суфийском духе, понимая *да‘ват* в данном случае, по всей вероятности, как специальный технический термин исмаилитской религиозной литературы. Отсюда выражение *маджлис-и да‘ват-и фана’* приобретает символическое значение «собрание [верующих], прощающихся с отошедшей душой», которое является частью похоронно-поминальной обрядности исмаилитов Бадахшана⁵. Аналогичным образом *да‘ват-и бака’* интерпретируется как «чествование [Вечной] жизни или существования» (*to celebrate life or subsistence*)⁶.

В опубликованной в той же серии (Shi‘i Heritage Series) несколькими годами ранее статье Х. Эльназарова подробно разбирается ритуальная сторона практики *чараг-равшан*⁷. Здесь автор избегает отсы-

¹ Ivanow W. Sufism and Ismailism: Chiragh-nama // *Revue Iranienne d’Anthropologie*. 1959. No. 3. P. 15.

² Ibid.

³ Nourmamadchoev N. Ismaili-Sufi and Ismaili-Twelver Relations in Badakhshan in the Post-Alamut Period: The Chiragh-nama // *Intellectual Interactions in the Islamic World. The Ismaili Thread*. Ed. by Orkhan Mir-Kasimov. London: I. B. Tauris in association with The Institute of Ismaili Studies, 2020. Pp. 355–380.

⁴ Wilcox A. The Dual Mystical Concept of Fana’ and Baqa’ in Early Sufism // *BJMES*, 38, 1 (2011). Pp. 95–96.

⁵ Nourmamadchoev N. Ismaili-Sufi and Ismaili-Twelver Relations in Badakhshan ...P. 358.

⁶ Ibid. P. 359.

⁷ Elnazarov H. The Luminous Lamp: The Practice of Charāgh-i rawshan among the Ismailis of Central Asia // *The Study of Shi‘i Islam. History, Theology and Law*. Eds. Farhad Daftary and Gurdofarid Miskinzoda. London, New York: I. B. Tauris, 2014. Pp. 529–541.

лок к суфийской терминологии и использует перевод *да‘ват-и фана’/ да‘ват-и бака’* соответственно как «увещание к преходящему» (*sermon to demise*) и «увещание к всевечному» (*sermon to eternity*)¹.

В научной литературе общим местом стало утверждение, что бадахшанские исмаилиты причисляют многих персидских поэтов-суфиев к своим единоверцам, и тезис об «особых отношениях», установившихся между суфизмом и исмаилизмом². Само по себе выражение «особые отношения» с точки зрения своего содержания здесь, возможно, не совсем кстати — с тем же основанием можно говорить, например, об «особых отношениях» между суфизмом и суннизмом, о чем свидетельствует вся история мусульманского мистицизма. Довольно часто эти «особые отношения» истолковывают в рамках принятой в шиитском исламе практики *такийя*.

На краю ойкумены: суфийские тарикаты в Бадахшане

В Средние века духовное бытие Бадахшана было теснейшим образом связано с достижениями высокой иранской культуры. Персидский язык стал *linguo franco* на всей этой территории — на нем составлялись научные трактаты, велось делопроизводство, писались стихотворные произведения в подражание признанным иранским классикам. Неудивительно поэтому, что диваны Джалал ад-дина Руми, Шамс-и Табризи, Фарид ад-дина ‘Аттара имели хождение и пользовались популярностью в Бадахшане. Косвенным тому свидетельством могут служить сохранившиеся до сих пор *остоны*, посвященные персидским поэтам. В этом смысле мир исламского мистицизма не представлял для бадахшанцев *terra incognita*, и грамотные люди были, безусловно, знакомы, с некоторыми основными его положениями, искали и нередко находили в воззрениях мистиков идеи, близкие к теологии исмаилизма.

По всей видимости, наиболее раннее свидетельство о деятельности суфийских тарикатов на территории Бадахшана относится к XIV в. и связано с именем известного кубравийского шайха Саййида ‘Али

¹ В трактате *Калам-и пир* («Слово старца») в разделе *валайя* и *нубувва*, в той его части, где речь идет о превосходстве (афдал) *валайя* ‘Али над миссией пророков (*нубувва*), есть упоминание такого рода: *Thus it is probably that difficult subject which the Prophet explains, i. e. absorption in God (fanā’ fi’l-lāh), and eternal life in God (baqā’ bi’l-lāh)*. То есть: «Словом, видимо, это тот сложный [предмет], о котором говорит Пророк: растворение в Боге и всевечное пребывание в Боге». Kalami Pir. A treatise on Ismaili doctrine, also (wrongly) called Haft-Babi Shah Sayyid Nasir. Edited in original Persian and translated into English by W. Ivanov. I. R. A. Series. 1935. No. 4. Bombay. P. 86 (eng)/80 (pers). В своем комментарии к этому пассажи Вл. Иванов высказывается довольно категорично: оба эти термина, как, впрочем, и сам предмет, по характеру и содержанию своему исключительно суфийские и никакого касательства к исмаилизму не имеют.

² См., например: *Daftary F. Ismailis*. Pp. 410–421.

Хамадани (ум. 786/1385). Во всяком случае, об этом можно судить, обратившись к его биографу Нур ад-дину Джа‘фару Бадахши, посвятившему свой труд *Хуласат ал-манакиб* — описанию жизненного пути ‘Али Хамадани. (*Нур ад-дин Джа‘фар Бадахши. Хуласат ал-манакиб*. С. 212, 289–290). Как сообщает Джа‘фар Бадахши, ‘Али Хамадани побывал в Бадахшане и стал духовным наставником местного правителя Бахрам-шаха. По утверждению Д. Бебена, вплоть до XVI в. тарикат кубравиййа сохранял статус наиболее влиятельного суфийского тариката в Бадахшане. В XVI в. (1584) Бадахшан попадает под власть тимуридского правителя Абд Аллах-хана, испытывавшего симпатии к тарикату накшбандиййа, шайхи которого в этот период появляются в Бадахшане. Тогда происходит ослабление влияния кубравиййа не только в Бадахшане, но и в целом в Центральной Азии¹.

Йасавиййа ассоциируется обыкновенно с тюркским кочевым населением Центральной Азии, тем не менее в XVIII в. и даже несколько ранее этот тарикат получил довольно широкое распространение среди ираноязычного городского/оседлого населения Центральной Азии и прежде всего в Балхе. Агиографическое сочинение тариката йасавиййа XVII в. *Манакиб ал-ахйар* посвящено жизнеописанию йасавийского шайха Саййид Джамал ад-дина, известного более как Х^{ва}-джа Дивана Саййид Ата’и, много путешествовавшего по Центральной Азии и в конце концов осевшего в Гуджарате в Индии. В тексте есть упоминания о двух персонажах, которые, если судить по *нисбам*, имели какое-то отношение к Бадахшану или, возможно, происходили из Бадахшана — это Хусайн ‘Али Бадахши и Ахунд Назар Бадахши, посещавшие вместе с ним Индию (Muhammad Qasim Ridvan. *Manaqib al-akh-yar*. MS London, India Office, no. 644: ff 42a, 88a, 101a-b). Но все это косвенные свидетельства возможной деятельности тариката йасавиййа в Бадахшане. Существует тем не менее прямое, хотя и краткое, упоминание о присутствии *йасавиййа* в Бадахшане в работе шайха Султан Ахмада ал-Хисари (XVI в.), который, если судить по его *нисбе*, происходил из Хисара в современном Таджикистане. Позднее он перебрался в Турцию, где попытался (впрочем, неудачно) организовать деятельность братства в Стамбуле. В своем труде *Джами‘ ал-муршидин* («Собрание наставников») он, когда говорит о своем наставнике шайхе Саййид Мансуре, упоминает между прочим, что тот, после обучения в Бухаре, был направлен в Балх и Бадахшан с прозелетическими целями, чтобы организовать там деятельность братства *йасавиййа*. (*Jami‘ al-murshidin*. MS Berlin No. orienxt. Oct. 2847: f. 89b). Еще одно

¹ DeWeese D. The Eclips the Kubraviyah in Central Asia. *Iranian Studies* 21. 1988. No. ½. Pp. 45–83. DeWeese D. *Studies on Sufism in Central Asia*. Burlington: Ashgate, 2012. Pp. 1–39). По поводу накшбандиййа в Бадахшане см. публикацию: Papas A.. *Soufis du Badakhshan*. Cahiers d’Asie Centrale. 2004. No. 11/12. Pp. 87–102.

свидетельство — сочинение, составленное в 1163/1749–50 автором из Кашмира по имени Абд ал-Ваххаб б. Рашид ад-дин Кашмири Нури. Он сообщает, что был учеником шайха из Бадахшана некоего Акмал ад-дина Мухаммада Камил ал-Бадахши, который в свою очередь возводил свою генеалогию к Ахмаду Йасави¹.

Что же касается собственно бадахшанской рукописной традиции, то стоит отметить несколько работ, непосредственно касающихся Ахмада Йасави. Существует список сочинения дидактического характера *Баб дар байан-и тарикат ва хакикат* (№ 26). Автор сочинения неизвестен. Трактат представляет собой ответы на вопросы, среди которых есть и вопрос о том, кто такие четыре пира, или столпа (*рукн*) религии. Автор дает ответ такого рода — Хаджа Ахмад Йасави, Имам Али Муса Рида, третий индийский шайх тариката чиштийя Шайх Фарид Шакар-Гандж, четвертый — *хазрат-и султан саййид* Насир-и Хусрав (л. 1546).

Кроме упомянутой рукописи можно привести другое свидетельство — анонимное *рисала* (№ 104), где содержится духовная генеалогия Ахмада Йасави. Согласно тексту рукописи наставником (*устад*) Ахмада Йасави был Хаджа Хидр. Его *шайх-и ирадат* был Шихаб ад-дин Умар ас-Сухраварди (632/1234), в свою очередь его шайхом был Баба Ратан, а шайхом последнего — Али Муртада, того — Мухаммад. *Шайх-и халвати* Ахмада Йасави был Наджм ад-дин Туси, его — Абу Наср Саррадж, далее через Ма'руф-и Кархи, Хасана Басри и Али цепь преемственности возводится к Мухаммаду.

Заключение

Период со второй половины XII/XVIII в. до XIII/XIX в. следует, вероятно, считать определяющим периодом в формировании религиозной идентичности бадахшанцев, приблизительно совпавшим по времени с различными реформаторскими и обновленческими движениями в различных частях мусульманского мира. В реалиях Бадахшана именно в это время происходит сложение того, что в локальной традиции принято называть *дин-и панджтани* («религия пяти [священных] особ»). С одной стороны, возникает своего рода «религиозно-философский канон», представленный литературной продукцией низаритской общины Бадахшана². К классическим произведениям можно отнести, например, *Калам-и пир* («Слово старца»), текст которого

¹ См.: Beben D. Ahmad Yasawi and the Isma'ilis of Badakhshan // JESHO. 2020. No. 63. Pp. 643–681.

² См., например: Бертельс А. Е., Бакоев М. Алфавитный каталог исмаилитских рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области. М.: Наука, 1967.

с точки зрения его содержания представляет собой подробное изложение религиозного учения бадахшанской общины исмаилитов¹.

Существует тенденция, не вполне, как представляется, оправданная, сводить место Бадахшана в общем пространстве иранской ойкумены к своего рода *reliquarium*, где сохраняются артефакты древнейшей культуры, ее мистерии, гимны и таинства. Бадахшан, если и не был блистательным центром изящных искусств и словесности, тем не менее занимал особое место в культуре ислама, во всяком случае иранском его изводе. Относительная изолированность и удаленность Бадахшана от властных центров мусульманских государств в свою очередь предоставляли этим землям известную свободу как в политическом отношении, так и в религиозном. Страна «бадахшанского рубина» (*ла'л-и бадахшан*) превратилась в своего рода «Землю обетованную» для представителей различных сектантских движений. Показательно, например, что именно здесь были обнаружены персидские списки эзотерического трактата *Умм ал-китаб* («Мать книги»). Позднее, когда стал известен арабский оригинал сочинения, выяснилось, что он был популярен и имел хождение среди мистически настроенных шиитских или прошиитских групп в Куфе.

Религиозное пространство Бадахшана с точки зрения своей морфологии не было однородным, правда, эта неоднородность — в большей степени эвристическая конструкция, удобная для исследователя, нежели действительный факт религиозного сознания и опыта бадахшанцев, едва ли ригористическим образом разделявшего элементы того, что составляло внутреннее содержание *дин-и панджтани* с его *со-бытием* местных «языческих» верований, воззрениями исмаилитов, шиитов-исна'ашарийа и суфиев.

¹ М. Бебен датирует текст XII/XVIII или XIII/XIX в. Стоит, в частности, обратить внимание на третью главу сочинения, в которой приводится генеалогия низаритских имамов. В большинстве списков *Калам-и пир* эта генеалогия доводится до Имама Халилаллаха, имамат которого приходится на 1206/1792–1232/1817 годы. В некоторых более поздних списках (например, IIS MS 36, дата переписки 1337/1919 г.) упоминается его сын Имам Шах Хасан (ум. 1298/1881). Самый древний список *Калам-и пир* (IIS MS 62, дата переписки 1207/1793) составлен вскоре после вступления в имамат Халилаллаха что, по мнению М. Бебена, может служить указанием на то, что датировку сочинения следует относить к периоду его имамата. *Beben D. The Kalām-i Pir and Its Place in the Central Asian Isma'ili Tradition // Journal of Islamic Studies. 2018. P. 28 ff.* Здесь, впрочем, следует учитывать и некоторые исторические обстоятельства, линия *мухаммад-шахи* в Бадахшане прекращает свое существование в конце 11/17 в. и дальнейшее развитие общины происходит под руководством имамов *касим-шахи*, прилагавших значительные усилия для утверждения новой религиозной идентичности местного населения. В частности, это реализовывалось в рамках движения по переписыванию рукописей и составлению новых сочинений, легитимировавших духовное и политическое руководство линии *касим-шахи* в Бадахшане.

Литература

Бадахши Нур ад-дин Джа'фар. Хуласат ал-манакиб. Исламабад: Марказ-и тахикат-и фарси-йи Иран ва Пакистан, 1995. С. 414.

Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959–1963 гг. М.: Наука, 1967. 120 с.

Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М.: Изд-во восточной литературы. 1959. 288 с.

Васильцов К. С. Из истории *Фатимидского призыва в Бадахшане* // Таджики. История, культура, общество / под ред. М. Е. Резван. СПб., 2014. С. 190–210.

Каландаров Т. С. Исмаилиты Памира. М., СПб.: Нестор-История, 2022. 216 с.

Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 423 с.

Русские учёные об исмаилизме / под ред. С. М. Прозорова, Х. Элнзарова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2014. 310 с.

Семенов А. А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир ислама. 1912. Т. 1. № 4. С. 523–561.

Семенов А. А. Описание исмаилитских рукописей, собранных А. А. Семеновым // ЗВОРАО. Пг.: [б. и.], 1919. 32 с.

Семенов А. А. К догматике памирского исмаилизма (XI глава «Лицо Веры» Насыр-и Хосрова). Ташкент, 1926. 48 с.

Семенов А. А. Взгляд на Коран в восточном исмаилизме // Иран: сб. статей. Т. 1. Л., 1927. С. 59–72.

Семенов А. А. Исмаилитская ода, посвященная воплощениям Алия бога // Иран: сб. статей. Т. 2. Л., 1928. С. 1–24.

Семенов А. А. Исмаилитский панегирик обожествленному Алию Федаи Хоросанскому // Иран: сб. статей. Т. 3. Л., 1929. С. 51–70.

Трубина Е. Г. Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 34–49.

Шохуморов А. Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма. М. — Душанбе, 2008. — 126 с.

Фуко М. Другие пространства. Гетеротопии / пер. с фр. А. Муратова; ред. С. Ситар // Проект International. 2007. № 19. С. 170–179.

Baiza Y. The Shi'a Ismaili Da'wat in Khurasan: From Its Early Beginning to the Ghaznawid Era // Journal of Shi'a Islamic Studies. 2015. Vol. 8. No. 1. Pp. 37–59.

Beben D. Islamisation on the Iranian Periphery: Nasir-i Khusraw and Ismailism in Badakhshan // Islamisation: Comparative Perspectives from History. Ed. Andrew Peacock. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. Pp. 317–335.

Beben D. The Legendary Biographies of Nāṣir-i Khusraw: Memory and Textualization in Early Modern Persian Ismāʿilism. PhD diss. Indiana University, 2015.

Beben D. The Kalām-i pīr and Its Place in the Central Asian Ismaʿili Tradition // *Journal of Islamic Studies*. 2020. Vol. 31. No. 1. Pp. 70–102.

Beben D. Religious Identity in the Pamirs: The Institutionalization of the Ismāʿilī Daʿwa in Shughnān // *Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia: The Mountain Communities of Pamir*, ed. Dagikhudo Dagiev and Carole Faucher. London: Routledge, 2018. Pp. 123–142

Beben D. Ahmad Yasawi and the Ismaʿilis of Badakhshan // *JESHO*. 2020. No. 63. Pp. 643–681.

Crone P., Treadwell L. A New Text on Ismailism at the Samanid Court // *Texts, Documents, and Artefacts: Islamic Studies in Honor of D. S. Richards*, ed. Chase Robinson. Leiden: Brill, 2003. Pp. 37–67.

Daftary F. Ismailis: Their History and Doctrines. 2nd ed. Cambridge, 2007. 772 p.

Daftary F. Historical Dictionary of the Ismailis. Lanham, Toronto, Plymouth: Scarecrow Press, 2012. 275 p.

DeWeese D. The Eclipse of the Kubraviyah in Central Asia. *Iranian Studies*. 1988. Vol. 21. No. 1/2. Pp. 45–83.

DeWeese D. Studies on Sufism in Central Asia (Variorum Collected Studies). London: Routledge, 2012. 354 p.

D. DeWeese and J.-A. Gross, eds. *Sufism in Central Asia: New Perspectives on Sufi Traditions, 15th–21st Centuries*. Leiden: Brill, 2018. 340 p.

Elnazarov H. The Luminous Lamp: The Practice of Charāgh-i rawshan among the Ismailis of Central Asia // *The Study of Shiʿi Islam. History, Theology and Law*. Eds. Farhad Daftary and Gurdofarid Miskinzoda. London, New York: I. B. Tauris, 2014. Pp. 529–541.

Foucault M. Of Other Spaces // *Diacritics*. Vol. 16. No. 1 (Spring 1986). Pp. 22–27 (22).

Gross J.-A. Foundational Legends, Shrines, and Ismaʿili Identity in Tajik Badakhshan // *Muslims and Others in Sacred Space*. Ed. by Margaret Jean Cormack. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 164–192.

Gross J.-A. The Motif of the Cave and the Funerary Narratives of Nāṣir-i Khusraw // *Orality and Textuality in the Iranian World*. Ed. by Julia Rubanovich and Shaul Shaked. Leiden: Brill, 2015. Pp. 130–168.

Gulamadov, Shaftolu. The Hagiography of Nāṣir-i Khusraw and the Ismāʿilis of Badakhshān. PhD diss. University of Toronto, 2018.

Hazīnī, Sultān Aḥmad al-Ḥiṣārī. Jāmiʿ al-murshidīn. MS Berlin, Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz, No. orient. Oct. 2847.

Ilioliev A. The Ismaili-Sufi Sage of Pamir: Mubarak-i Wakhani and the Esoteric Tradition of the Pamiri Muslims. Amherst, New York: Cambria Press, 2008. 238 p.

Iliiev A. The Concept of Wilaya in Mubarak-I Wakhani's *Chihil Dunya*: A Traditional Ismaili-Sufi Perspective on the Origins of Divine Guidance // *Intellectual Interactions in the Islamic World: The Ismaili Thread (Shi'i Heritage Series)*. London: I. B. Tauris, 2020. Pp. 381–406

Ivanov W. Ismaili literature: a bibliographical survey; second amplified edition of «A guide to Ismail literature», London, 1933, Tehran University Press, 1963. 245 p.

Ivanov W. Studies in Early Persian Ismailism. 2nd ed. Bombay, 1955. 224 p.

Kalami Pir. A treatise on Ismaili doctrine, also (wrongly) called Haft-Babi Shah Sayyid Nasir. Edited in original Persian and translated into English by W. Ivanov. I. R. A. series, no. 4. Bombay, 1935. 146 p.

Madelung W. Das Imamut in der frühen ismailitischen Lehre // *Der Islam*. 1961. No. 37. Pp. 101–14.

Nourmamadchoev N. Ismaili-Sufi and Ismaili-Twelve Relations in Badakhshan in the Post-Alamut Period: The Chiragh-nama // *Intellectual Interactions in the Islamic World: The Ismaili Thread (Shi'i Heritage Series)*. London: I. B. Tauris, 2020. Pp. 355–380.

Papas A. Soufis du Badakhshan // *Cahiers d'Asie Centrale*. 2004. No. 11/12. Pp. 87–102.

Ridvan Muhammad Qasim. Manaqib al-akhyar. MS London, India Office, no. 644.

Poonawala I. Al-Nasafi // Bosworth, C. E.; van Donzel, E.; Heinrichs, W. P. & Pellat, Ch. (eds.). *EI2. Volume VII: Mif-Naz*. Leiden: E. J. Brill. P. 968.

Stern S. The Early Ismā'īlī Missionaries in North-West Persia and in Khurāsān and Transoxania // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1960. Vol. 23. No. 1.

Stern S. Abu Hatim al-Razi // *EI2*. Vol. 1. P. 125.

Walker Paul E. Early Philosophical Shiism: The Ismaili Neoplatonism of Abū Ya'qūb al-Sijistānī. Cambridge, 1993. 232 p.

Walker Paul E. Abū Ya'qūb al-Sijistānī: Intellectual Missionary. L., 1996. 148 p.

Wilcox A. The Dual Mystical Concept of Fana' and Baqa' in Early Sufism // *BJMES*. 2011. Vol. 38. No. 1.

References

Badahshi Nur al-din Ja'far (1995). *Khulasat al-manaqib*. Islamabad: Markaz-i tahqiqat-i farsi-yi Iran va Pakistan, 1995.

Bertel's A., Bakoev M. (1967) *Alfavitnyj katalog rukopisej, obnaruzhenykh v Gorno-Badakhshanskoj avtonomnoj oblasti jekspediciej 1959–1963 gg.* [An Alphabetical Catalogue of Manuscripts Discovered in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region by the Expedition of 1959–1963] Moscow: Nauka. 120 p.

Bertel's A. E. (1959). *Nasir-i Hosrow i ismailizm*. [Nasir-i Khusraw and Ismailism] Moscow: Vostochnaya literatura. 288 p.

Foucault M. (2007). Drugie prostranstva. Geterotopii [Of Other Spaces. Heterotopias]. *Proekt International*. Iss. 19. Pp. 170–179.

Kalandarov T. S. (2022). *Ismaility Pamira* [The Ismailis of Pamir] Moscow: Nestor-Istorija, 2022. 216 p.

Lefebvre H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press. 423 p.

Russkie uchjonye ob ismailizme [Russian scholars on Ismailism] (2014). Saint Petersburg.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istorija. 310 p.

Semenov A. A. (1912). Iz oblasti religioznyh verovanij shugnanskih ismailitov [On the Realm of Religious Beliefs of the Shughnanian Ismailis]. *Mir islama*. Vol. 1. Iss. 4. SPb, 1912. Pp. 523–561.

Semenov A. A. (1919). Opisanie ismailitskih rukopisej, sobrannyh A. A. Semenovym [The Description of Ismaili manuscripts collected by A. A. Semenov]. ZVORAO. Petrograd. 32 p.

Semenov A. A. (1926). *K dogmatike pamirskogo ismailizma (XI glava «Lico Very» Nasyr-i Hosrova)* [On the Dogmatics of Pamirian Ismailism (Chapter XI of “The Face of Faith” by Nasir-i Khosrow)]. Tashkent. 48 p.

Semenov A. A. (1927). Vzgljad na Koran v vostochnom ismailizme [The Vision of Qur'an in Eastern Ismailism]. *Iran: Sb. statej*. Vol. 1. Leningrad. Pp. 59–72.

Semenov A. A. (1928). Ismailitskaja oda, posvjashhennaja voploshhenijam Alija-boga [An Ismaili Ode Dedicated to the Incarnations of God-Ali]. *Iran: Sb. statej*. Vol. 2. Leningrad. Pp. 1–24.

Semenov A. A. (1929). *Ismailitskij panegirik obozhestvlennomu Aliju Fedai Horosanskomu* [An Ismaili Panegyric to the Deified Ali Fedayi of Khurasan]. *Iran: Sb. statej*. Vol. 3. Leningrad. Pp. 51–70.

Shohumorov A. (2008). *Razdelenie Badakhshana i sud'by ismailizma* [The Splitting of Badakhshan and the Fate of Ismailism]. Moscow. 126 p.

Baiza Y. (2015). The Shi'a Ismaili Da'wat in Khurasan: From Its Early Beginning to the Ghaznawid Era. *Journal of Shi'a Islamic Studies*. 8.1. Pp. 37–59.

Beben D. (2015). *The Legendary Biographies of Nāṣir-i Khusraw: Memory and Textualization in Early Modern Persian Ismā'īlism*. PhD diss., Indiana University.

Beben D. (2017). Islamisation on the Iranian Periphery: Nasir-i Khusraw and Ismailism in Badakhshan. *Islamisation: Comparative Perspectives from History*. Edinburgh: Edinburgh University Press. Pp. 317–335.

Beben D. (2020). The Kalām-i pīr and Its Place in the Central Asian Ismā'īli Tradition. *Journal of Islamic Studies*. Vol. 31. Iss. 1. Pp. 70–102.

Beben D. (2018). Religious Identity in the Pamirs: The Institutionalization of the Ismā'īli Da'wa in Shughnān. *Identity, History and Trans-Nationality*

in *Central Asia: The Mountain Communities of Pamir*. London: Routledge. Pp. 123–142.

Beben D. (2020). Ahmad Yasawi and the Ismaʿilis of Badakhshan. *JESHO*. Vol. 63. Pp. 643–681.

Crone P., Treadwell L. (2003). A New Text on Ismailism at the Samanid Court. *Texts, Documents, and Artefacts: Islamic Studies in Honor of D. S. Richards*. Leiden: Brill. Pp. 37–67.

Daftary F. (2007). *Ismailis: Their History and Doctrines*. 2nd ed. Cambridge. 772 p.

Daftary F. (2012). *Historical Dictionary of the Ismailis*. Lanham, Toronto, Plymouth: Scarecrow Press. 275 p.

DeWeese D. (1988). The Eclipse of the Kubraviyah in Central Asia. *Iranian Studies*. Vol. 21. Iss. 1/2. Pp. 45–83.

DeWeese D. (2012). *Studies on Sufism in Central Asia (Variorum Collected Studies)*. London: Routledge. 354 p.

Sufism in Central Asia: New Perspectives on Sufi Traditions, 15–21 Centuries (2018). Leiden: Brill. 340 p.

Elnazarov H. (2014). The Luminous Lamp: The Practice of Charāgh-i rawshan among the Ismailis of Central Asia. *The Study of Shiʿi Islam. History, Theology and Law*. London: I. B. Tauris. Pp. 529–541.

Foucault M. (1986). Of Other Spaces. *Diacritics*. Vol. 16. Iss. 1 (Spring 1986). Pp. 22–27 (22).

Gross J.-A. (2013). Foundational Legends, Shrines, and Ismaʿili Identity in Tajik Badakhshan. *Muslims and Others in Sacred Space*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 164–192.

Gross J.-A. (2015). The Motif of the Cave and the Funerary Narratives of Nāṣir-i Khusraw. *Orality and Textuality in the Iranian World*. Leiden. Pp. 130–168.

Gulamadov Shaftolu (2018). *The Hagiography of Nāṣir-i Khusraw and the Ismāʿilis of Badakhshān*. PhD diss., University of Toronto.

Iloiev A. (2008). *The Ismaili-Sufi Sage of Pamir: Mubarak-i Wakhani and the Esoteric Tradition of the Pamiri Muslims*. Amherst, New York: Cambria Press. 238 p.

Iloiev A. (2020). The Concept of Wilaya in Mubarak-i Wakhani's Chihil Dunya: A Traditional Ismaili-Sufi Perspective on the Origins of Divine Guidance. *Intellectual Interactions in the Islamic World: The Ismaili Thread (Shiʿi Heritage Series)*. London: I. B. Tauris. Pp. 381–406.

Ivanow W. (1955). *Studies in Early Persian Ismailism*. 2nd ed. Bombay. 224 p.

Iwanov W. (1963). *Ismaili Literature: a Bibliographical Survey; second amplified edition of "A Guide to Ismaili Literature"*. Tehran University Press. 245 p.

Kalami Pir (1935). *A Treatise on Ismaili Doctrine, Also (Wrongly) Called Haft-Babi Shah Sayyid Nasir. Edited in Original Persian and Translated into English by W. Ivanov.* I. R. A. series. Iss. 4. Bombay. 146 p.

Madelung W. (1961). Das Imamāt in der frühen ismailitischen Lehre. *Der Islam*. Bd. 37. Pp. 101–114.

Nourmamadchoev N. (2020). Ismaili-Sufi and Ismaili-Twelve Relations in Badakhshan in the Post-Alamut Period: The Chiragh-nama. *Intellectual Interactions in the Islamic World: The Ismaili Thread (Shi'i Heritage Series)*. London: I. B. Tauris. Pp. 355–380.

Papas A. (2004). Soufis du Badakhshan. *Cahiers d'Asie Centrale*. Vol. 11/12. Pp. 87–102.

Stern S. (1960). The Early Ismā'īlī Missionaries in North-West Persia and in Khurāsān and Transoxania. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London*. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 56–90.

Walker Paul E. (1993). *Early Philosophical Shiism: The Ismaili Neoplatonism of Abū Ya'qūb al-Sijistānī*. Cambridge. 232 p.

Walker Paul E. (1996). *Abū Ya'qūb al-Sijistānī: Intellectual Missionary*. London. 148 p.

Wilcox A. (2011). The Dual Mystical Concept of Fana' and Baqa' in Early Sufism. *BJMES*. Vol. 38. Iss. 1. Pp. 95–96.

THE RELIGIOUS SPACE OF BADAKHSHAN: ISMAILISM AND SUFISM

Abstract: Nowadays, the culture and cultural identity of the Pamir peoples are largely determined by the widespread and predominance of Ismailism, the largest movement within Shiite Islam, in this region. Local folklore narratives associate the key role in the spread of the Ismaili *madhhab* with the name of the poet, philosopher and preacher (*da'i*) Nasir-i Khusraw (11th century). Yet the available now written sources do not provide sufficient grounds to ascertain definitely the real character of Nasir-i Khusraw activities in Badakhshan and the subsequent history of the Ismaili *da'wa* in the Pamirs. This article examines a range of issues and problems dealing with the morphology of the religious space of Badakhshan, forms, ways and methods of interaction between Ismailis and Sufi *tariqas*, the influence of Sufi doctrines on intellectual history and local Ismaili religious practices.

Keywords: Badakhshan, Ismailism, sufism, Nasir-i Khusraw, yasaviyya, kubraviyya, religious identity, Ismaili literature

Konstantin S. VASILTSOV,

Cand. Sci. (Hist.), research fellow, lecturer

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography ("Kunstkamera") of the RAS
(3, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034);

Saint Petersburg State University, Faculty of Oriental Studies

(7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).

E-mail: vasiltsovk@mail.ru

